

По дворцовой дорожке из светлого камня под полной луной из рощи вышли двое. Спина Фань Сянь совершенно промокла от пота, и в эту летнюю ночь ему было даже прохладно. Он выдохнул, все еще чувствуя запоздалый страх, похлопал себя по груди и пожаловался идущей с ним Хайтан:

— Ты догадалась, что «Историю камня»... написал я, но почему ты мне ничего не сказала? Только что ваш император чуть не до смерти меня напугал.

Хайтан улыбнулась и ответила:

— Кто просил тебя так долго скрывать это от всего мира? — Тут она закатила глаза и продолжила: — Почему ты так боишься? Если дело не в твоей личине господина Цао, что ты так боялся услышать от его величества?

Фань Сянь даже не раздумывал, просто мило улыбнулся и спросил:

— А ты как думаешь?

Хайтан едва улыбнулась уголками губ, но ничего не сказала. Фань Сянь взглянул на неё, наклонив голову, и заметил, что её длинные ресницы окутаны серебряной дымкой, придававшей ей колдовское очарование. На её лице в ночной темноте особенно ярко выделялись глаза: серебристый лунный свет действительно обладал некой магией — окружённая смутным сиянием, любая самая обычная женщина превращалась в первую фею на свете.

Но Фань Сянь не почувствовал ничего. Он просто заложил руки за спину и медленно пошаркал вперед со словами:

— На этот раз ты обманула меня, но я не буду искать мести. Ты знаешь почему.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помогла с чем-то, — улыбнулась Хайтан. — Хотя я не знаю, с чем именно, я думаю, что это как-то связано с югом, поэтому тебе нужна помощь постороннего вроде меня.

— Верно. Мы с тобой... привыкли притворяться. — Фань Сянь странно улыбнулся, словно смеясь над собой. — Поэтому когда мы беседуем наедине, то, наверное, можем быть более откровенными. Дело, в котором мне понадобится твоя помощь, может случиться, а может и нет. Когда придёт время, я пришлю кого-нибудь сообщить тебе.

Хайтан взглянула на него и вдруг сказала:

— Я слышала, что ты очень любишь внебрачную дочь премьер-министра, поэтому даже не взял в свои покои служанку, которую прислала бабушка из Даньчжоу.

— Мне не нравится, что ты копаешься в моих семейных делах. — Фань Сянь обернулся и серьёзно произнес: — Этот разговор окончен.

Улыбнувшись, Хайтан покивала.

— На самом деле, мне просто любопытно, что это за человек, который счастлив, когда видит женщину, и недоволен, когда видит мужчину; для которого незамужние — что жемчуг, а замужние — что рыбы глаза; который считает, что девушки сделаны из воды, а мужчины — из грязи, что женщины драгоценны, а мужчины презренны...

Закончив свою длинную речь, Хайтан уставилась в спокойные глаза Фань Сяня и тихо добавила:

— Мне очень любопытно, почему в мире, где превозносят мужчин, у господина Фаня подобные взгляды.

Фань Сянь улыбнулся и не ответил.

Внезапно Хайтан с почтением поклонилась и серьёзно произнесла:

— Додо благодарит молодого господина Фаня от имени женщин всего мира за жизнеописание женской половины дома и защиту справедливости для женщин.

Фань Сянь некоторое время молчал, а затем вдруг сказал:

— Я изначально отличаюсь от большинства людей в этом мире.

Выйдя из ворот дворца, Хайтан с удивлением обнаружила, что тайфу всё ещё ждал снаружи. Однако Фань Сянь при виде его не изменился в лице — должно быть, он заранее знал о нем.

Хайтан поклонилась тайфу, затем повернулась к Фань Сяню и сказала:

— Послезавтра я провожу вас.

Фань Сянь понял скрытый смысл ее слов, кивнул и сел в повозку к тайфу.

Три повозки одна за другой медленно исчезли в темноте столичной ночи. Яркие, выразительные глаза Хайтан немного затуманились, когда она подумала о последних словах изящного молодого чиновника с юга. Не такой, как все? В глазах общества Фань Сянь, естественно, не такой, как все, но неизвестно, какое именно отличие имел в виду он сам.

Повозка остановилась у тихого поместья, и императорская стража, обеспечивающая охрану посольства, поняла, какому великому человеку собрался нанести свой последний в Северной Ци визит Фань Сянь, великий талант Южной Цин. Вспомнив о поэтическом состязании на ночном пиру, о котором ходило множество слухов по всему миру, все немного забеспокоились. Они не знали, с какими намерениями пришёл Фань Сянь, однако в этом поместье, полном книг, все, естественно, промолчали.

Тигровые стражи вышли из первой повозки, свирепо огляделись и встали в нескольких ключевых точках для охраны.

Фань Сянь и тайфу Северной Ци вышли из кареты, помогая друг другу, поддерживая за руку. Их отношения были не то чтобы сердечными, но, похоже, безо всякой враждебности. Все немного успокоились, а тайфу, который всегда считался справедливым, беспристрастным и никому не пытался угодить, что-то прошептал Фань Сяню, и они вдвоём прошли в ворота.

Фань Сянь махнул рукой, давая знак Тигровой страже не следовать за ним.

Дойдя до дверей одной из комнат, тайфу глубоко поклонился в ту сторону, обернулся и ровно сказал Фань Сяню:

— Молодой господин Фань, учитель в последнее время не совсем в добром здравии. Пожалуйста, беседуйте не слишком долго.

Фань Сянь вежливо поклонился этому знаменитому учёному, поправил одежду и осторожно открыл деревянную дверь. Бросив взгляд внутрь, он увидел старика с тонкой кистью в руке, который выписывал что-то на бумаге.

Этот старик был величайшим специалистом по каноническим текстам этой эпохи, у него были ученики по всему миру. Тайфу Северной Ци и императорский советник Шу из Южной Цин были его самыми выдающимися учениками. Никто не мог сравниться с ним по учёности до того, как Фань Сянь случайно проявил свой талант. Даже после того, как Фань Сянь во дворце победил, бесстыдно декламируя стихи поэтов из другого мира, никто на самом деле не считал, что, помимо поэзии, Фань Сянь достиг уровня своего противника и в других областях.

Потому что фамилия этого старика была Чжуан, а звали его Мохань.

В комнате не было ни слуг, ни писцов, только продолжающий писать старик в просторном длинном одеянии. Время от времени он хмурился, смотрел на бумагу и перелистывал лежащие вокруг книги, как будто ища некие подтверждения. По сравнению с прошлогодней встречей в государстве Цин Чжуан Мохань казался гораздо менее бодрым. Хотя его серебристые волосы были по-прежнему туго завязаны, пигментные пятна на его щеках стали заметнее — неблагоприятный симптом.

Фань Сянь не хотел его беспокоить, поэтому тихонько подошёл к нему сзади и взглянул на стол, к удивлению обнаружив там сборник стихов «Кабинета полупраздности», опубликованный книжной лавкой «Даньбо». А все поля сборника были полностью исписаны бесчисленными комментариями. Неужто величайший учёный этой эпохи на самом деле писал толкования к стихотворениям, которые Фань Сянь «выучил наизусть»?!

Иссохшие пальцы Чжуан Моханя указали на вторую половину фразы в сборнике: «Когда-то в море не было воды, кроме горы Ушань, не было и облаков»*. Он постучал по странице приоткрыв рот, а потом болезненно произнёс:

— Не сходится, не сходится. Есть лишь красота построения слов, но вторая половина предложения не имеет смысла, вообще не сходится. Скажите мне, что это значит?

После недолгого молчания раздался мягкий голос Фань Сяня:

— Ушань — это священная гора на крайнем юге. Круглый год вокруг неё кипят облака и туманы, рассвет скрывается за тучами, а вечером идёт дождь. Все, кто видел этот пейзаж и эти облака, после не захотят и взглянуть на любые другие. Эти слова подчеркивают следующие два предложения, речь идет о верности чувств.

— Вот оно что... — Чжуан Мохань горько улыбнулся и указал на толстую книгу в углу широкого стола. — Я, естественно, смог догадаться об этом значении, но не смог найти первоисточника. Я просмотрел описание гор и морей, но не нашёл облачную гору Ушань. Оказывается, это священная гора на крайнем юге — неудивительно, что я этого не знал.

Фань Сянь заметил, что тот не подозревает его в пустых измышлениях, и понял, что этот старик на самом деле очень мягок и снисходителен. Он чуть улыбнулся, подошёл ближе, чтобы растереть для него тушь, и наблюдал, как тот записывает его объяснение мелким почерком на полях страницы. Каллиграфический почерк Чжуан Моханя тоже был известен во всём мире, и его чистоту и простоту не мог осудить никто, но Фань Сянь немного опечалился, видя, что руки старика стали дрожать сильнее.

— Принц Чэнь-ван когда-то

Устроил пир в Пинлэ,

И десять тысяч доу

Там выпили шутя. **

Что это за классический сюжет? — продолжал спрашивать Чжуан Мохань, не глядя на него.

Фань Сянь немного смутился, подумав, что, когда выпускал сборник стихов, он специально не

включил стихотворение Ли Бо «Поднося вино» — почему же старик спросил о нём?

Чжуан Мохань вздохнул и объяснил:

— Я с детства никогда не забывал того, что видел или слышал, и чуточку горжусь этим. В тот день, когда ты изливал стихи неисчерпаемой рекой, я едва не надорвался... — Старик усмехнулся про себя и продолжил: — Но благодаря этой способности я запомнил столько стихотворений, которые ты читал. Позже, когда вышел сборник «Кабинета полупраздности», я обнаружил, что многих стихов не хватает, и я не понимаю, зачем ты, дитя, так сделал.

Услышав, как Чжуан Мохань зовёт его «дитя», Фань Сянь почувствовал себя немного странно. Он откашлялся и объяснил:

— Чэнь-ван — принц из семьи Цао. Однажды он устроил пир во дворце Пинлэ...

— Принц из семьи Цао? — Чжуан Мохань поднял голову, во взгляде его мутноватых глаз светилась неуверенность. — Но... в последнюю тысячу лет не было ни одной правящей семьи по фамилии Цао.

Фань Сянь мысленно вздохнул и примирительно произнёс:

— Почтенный, не берите в голову вздор, что несет сей юнец.

— Ну уж нет! — Кое в чём Чжуан Мохань был действительно настойчив. Он с шелестом пролистал все стихотворения, которые переписал, указал на одно из них и спросил: — «Строфы младшего Се меж поделок возможно ещё отыскать»***, а кто такой младший Се?

Лицо Фань Сяня пошло зелёными и белыми пятнами, и через некоторое время он ответил:

— Младший Се — вольный книжник, который записывал народные сказания. Хотя его сочинения вульгарны и не обрели популярности в мире, среди городских обывателей он довольно известен.

— А-а...

Спустя неизвестно сколько времени, когда Фань Сянь, чувствуя свою неправоту, не мог ничего возражать и совершенно отчаялся, Чжуан Мохань наконец вздохнул, потёр уголки глаз, бросил кисть в тушечницу и чуть тоскливо произнёс:

— Масло кончается, и лампа медленно угасает — не то что во времена моей учёбы.

Когда Фань Сянь вошёл в комнату, они, даже не поздоровавшись, окунулись в эту нелепую работу. Теперь же Фань Сянь распустил закатанные рукава и вежливо поклонился со словами:

— Приветствую господина Чжуана. Какие наставления вы хотели мне дать, приглашая сюда?

В комнате стало тихо. Спустя долгое время Чжуан Мохань внезапно задрожал всем телом и с большим трудом низко поклонился Фань Сяню.

Фань Сянь был так потрясён, что даже не догадался поддержать его. Ведь что за статус у этого старца? Он всё же наставник наставника императора Северной Ци, так как же он может кланяться Фань Сяню?

Чжуан Мохань уже поднялся с улыбкой, от которой по всему лицу разбежались морщинки.

— С нашей первой встречи в государстве Цин прошёл уже год. Я всю свою жизнь придерживался пути добродетели, в прошлом же году навлёк неприятности на господина Фаня, оттого мне не по себе до сих пор. Сегодня я специально пригласил господина Фаня, чтобы извиниться.

Фань Сянь промолчал: он, конечно, знал, что причина, по которой Чжуан Мохань согласился на просьбу старшей принцессы, пожертвовал своей многолетней репутацией и отправился в дальнейшее путешествие на юг, чтобы строить козни, заключалась в договоренности об освобождении Сяо Эня. Братская любовь — то, чего ему сейчас не хватало больше всего.

— Сяо Энь умер, — произнёс Фань Сянь, приоткрыв тонкие губы и глядя на немощного, резко исхудавшего за последний год старика.

Чжуан Мохань посмотрел на него с улыбкой, но ничего не сказал.

Фань Сянь тоже поулыбался, зная, что это было излишне. В конце концов, его собеседник — опытный человек, проживший в этом мире уже несколько десятков лет. Неизвестно, насколько глубоко он пустил корни в Северной Ци, так как он мог не знать об этом важном событии?

— Человек смертен, — Чжуан Мохань говорил это вроде как себе, но также и Фань Сяню: — Так что жить нужно хорошо. Жить, как мой брат, не имеет смысла: он убивал людей без счёта, но все закончилось вот так...

Фань Сянь, однако, был немного не согласен с этими словами:

— Пути этого мира состоят в том, что, убивая людей и сея смуту, обретаешь богатство, а чиня мосты и прокладывая дороги — остаёшься без погребения.

Чжуан Мохань покачал головой:

— Вы не должны стать таким.

Не «не можете», а совершенно прямое «не должны». Если бы кто-нибудь посторонний находился сейчас в этой комнате, слушал разговор между Чжуан Моханем и Фань Сянем и видел естественные и непритворные выражения их лиц, он бы нашёл это немного странным. Опыт и жизненный путь этих двоих сильно различались, а их единственная встреча произошла в результате заговора, но всё же такие люди, как они, могли выразить свое мнение без обиняков.

Возможно, таково воздействие учёности.

— Почему не должен? — Взгляд Фань Сяня похолодел.

— Я уверен, — Чжуан Мохань внезапно улыбнулся, но в улыбке скрывалась глубокая печаль, — я совершенно уверен, что прожил гораздо более счастливую жизнь, чем мой брат.

Фань Сянь уставился ему в глаза.

— Но вы понимаете, что без Сяо Эня вы, возможно, никогда не смогли бы достичь нынешнего положения.

Чжуан Мохань тоже посмотрел в глаза Фань Сяню.

— Но вы недостаточно хорошо понимаете, что только с постепенным приближением смерти и замечаешь, что всякая власть, положение и богатство мимолётны, как проплывающие облака.

Фань Сянь спокойно и упорно отвечал:

— Нет, когда приближается смерть, вы, возможно, будете сожалеть об этой жизни, о том, что ничего не повидали, что ничем не наслаждались... Просто у вас в этой жизни уже есть то, чего обычные люди никогда не смогут получить, поэтому, дожив до седин, вы и испытываете подобные чувства.

Чжуан Мохань беспомощно покачал головой.

— Вы ещё молоды и никогда не ощущали вокруг себя усиливающийся день ото дня запах

смерти. Откуда вам знать, о чём вы будете думать, когда придёт время.

— Я знаю, — механически повторил Фань Сянь, — поверьте мне, я знаю это чувство.

Казалось, Чжуан Мохань немного устал и не хотел продолжать говорить об этом, поэтому сменил тему:

— Я не ожидал, что столь далекое от канонов произведение, как «История камня», вдруг окажется плодом вашего тайного авторства.

Фань Сянь усмехнулся.

— Я тоже не ожидал, что вести об этом разлетятся быстрее птиц.

В глазах Чжуан Моханя внезапно показалась тень беспокойства.

— Господин Фань, вам следует быть более осторожным после возвращения на родину. «История камня»... содержит много щекотливых моментов.

Фань Сянь промолчал. Он тоже это понимал, но в молодости он был очень легкомысленным и не мог стерпеть, что подобные слова так и не появились в этом мире, поэтому писал без оглядки. Теперь же, став чиновником, он, естественно, осознал, что если кто-то захочет найти там иносказания, то это будет слишком легко сделать. К тому же произошло совпадение, поразившее даже самого Фань Сяня: император Северной Ци оказался его поклонником, поэтому, как бы осторожен он ни был, от этого больше ничего не зависело, больше утаивать своё авторство уже не получится.

Однако и с точки зрения разума, и с точки зрения чувств Чжуан Мохань не должен был так беспокоиться о нем. Фань Сянь был немного озадачен.

Чжуан Мохань, словно догадавшись, о чём он думает, сказал с улыбкой:

— Сегодня я пригласил сюда господина Фаня не только ради эгоистичной просьбы о прощении и самоуспокоения, я ещё хотел поблагодарить вас.

— Поблагодарить? — Фань Сянь наморщил лоб: он не думал, что собеседник знал о том, что он продлил жизнь Сяо Эня на день.

— Поблагодарить вас от имени ученых всего мира. — Чжуан Мохань посмотрел на него с улыбкой: — Господин Фань, едва вступив в должность в Контрольной палате, вы разоблачили злоупотребления на весеннем экзамене в государстве Цин. Это затронуло всю Поднебесную, и у его величества тоже возникла мысль навести порядок на императорском экзамене. Господин

Фань, своими действиями вы благодетельствовали неизвестно скольких бедных учёных, и ваших заслуг хватит и на тысячу лет. Возможно, вы не воспримите меня всерьёз, но было бы логично и правильно выразить вам признательность от имени всех учёных мира.

Фань Сянь скривил губы в ироничной улыбке.

— Разоблачил злоупотребления? Это всё для ученых, за что меня благодарить?

Но Чжуан Мохань не улыбнулся, и его мутноватые глаза погасли. Для возвращения Сяо Эня домой он не приложил особых усилий: самое главное, он не хотел ввергать весь двор в смуту из-за этого. Но он понимал, что этот мир не весь создан учёными, в нём есть политики, есть заговорщики, есть воины, и их методы решения проблем иногда кажутся более прямыми, более разнuzданными.

Он взглянул на Фань Сяня, собираясь что-то сказать, но решил, что это внутренние дела Северной Ци и говорить о них Фань Сяню нет никакой необходимости.

Спустя долгое время Фань Сянь покинул поместье, где жил Чжуан Мохань. В этой жизни он больше никогда там не появлялся.

Пришёл летний зной. Хотя по календарю самые жаркие дни в году должны были уже давно миновать, Северная Ци расположена на северо-востоке континента, и приметой приближения осени служит душная жара. Мелкие дожди конца весны и начала лета уже давно прошли, и лишь сверкающее солнце над головой нагло и жестоко вынуждало людей раздеваться до той степени, что дальше раздеваться уже нельзя.

Ярко-жёлтая повозка императорского выезда скрылась в южных воротах столицы. Старая серо-голубая городская стена сразу же стала самым привлекающим взгляд объектом для собравшихся за городом.

Фань Сянь, прищурившись, посмотрел вслед с заметным беспокойством. Император Северной Ци на самом деле приехал лично проводить посланника государства Цин, что совершенно не соответствовало правилам. Как бы ни отговаривали его министры, они всё равно не остановили его, поэтому им пришлось прибыть большой группой разномастных высокопоставленных чиновников и знати. Даже тайфу выехал за стены проводить их, что было большой честью для посольства Южной Цин.

Вначале император держался с Фань Сянем за руки и болтал о личном, всё не забывая об «Истории камня» и подобных вещах, что привлекло взгляды многих придворных. С трудом

удалось убедить этого слегка эксцентричного императора вернуться, и теперь за стенами оставались лишь чиновники Северной Ци и почётный караул. Фань Сянь огляделся и заметил Вэй Хуа, но не увидел хоу Чаннина и Шэнь Чжуна.

Он чувствовал, что его спина уже взмокла — непонятно, то ли от страха перед императором, то ли от жаркого солнца.

Пока благоприятное время не наступило, посольство не могло уехать. Он взглянул на самую роскошную повозку впереди их каравана, в которой сейчас находилась старшая принцесса Северной Ци. До этого он видел её лишь издали и мельком, приблизительно разглядел, что это изящная знатная дама, но характер ее оставался неизвестным. Впрочем, Фань Сянь не слишком беспокоился об обратном пути. Пережив общение с Хайтан, он ещё сильнее уверился в своей способности ладить с женщинами.

Пронёсся прохладный ветерок, от которого Фань Сянь сразу же расслабился. Он потянул тугие застёжки своей одежды, думая про себя: откуда при такой адской погоде мог взяться ласковый ветер? Обернувшись, он, как и следовало ожидать, увидел, что Ван Цинянь, стоя рядом, угодливо обмахивает его веером. На его лице была написана горечь и нежелание расставаться.

Фань Сянь, не сдержавшись, прыснул от смеха и в шутку выбранил его:

— Это же всего на год, почему такое похоронное лицо? Я, естественно, позабочусь о твоей жене и детях, так что не беспокойся.

С отъездом посольства Янь Бинъюнь, конечно, будет вынужден последовать за ним домой, и в результате шпионская сеть Контрольной палаты государства Цин в Северной Ци потеряет своего главу. Поэтому в Контрольной палате, тайно посоветовавшись, решили позволить Ван Циняню остаться в столице Ци под личиной чжунлана Приказа придворного этикета и временно взять на себя управление делами на севере. Через полгода Палата собиралась незаметно прислать чиновника на замену.

Как преемник главы, Фань Сянь имел особый статус в Палате. Подобные дела ему не нужно было проводить через формальности столичных учреждений, поэтому всё решилось очень просто. Только вот Ван Цинянь не ожидал, что он не вернётся с посольством, поэтому был немного разочарован и обеспокоен. Хотя он понимал, что этот опыт пойдёт на пользу его будущей официальной карьере, ему всё же было не по себе.

— Господин, если я хоть день не слышу вашей речи, мне становится неуютно. — Ван Цинянь с привязанностью взглянул на Фань Сяня.

Фань Сянь улыбнулся.

— Не вступай в стычки с Северной Ци, прояви мудрость и избегай опасностей. Через год я буду

встречать тебя в столице.

На самом деле, он привык к тому, что рядом всегда есть человек, готовый поддержать разговор. Главное, что Ван Цинянь был единственным его доверенным лицом в Контрольной палате, но, к сожалению, ради того, чтобы справиться с денежными потоками старшей принцессы, приходилось оставить его в Северной Ци.

Пока они разговаривали, из городских ворот вдруг показалась лошадь. Всадник не был похож на чиновника, он был одет как слуга. Он невольно привлёк пристальное внимание собравшихся, уверенных, что ограничительные меры приняты. Как могли городские власти допустить сюда простолюдина?

Зоркий Фань Сянь заметил, что лицо тайфу, возглавлявшего группу провожающих, помрачнело, в его глазах появилась горечь.

Подъехав прямо к процессии, слуга торопливо спрыгнул с лошади и, подойдя к тайфу, со всхлипываниями сказал ему на ухо несколько слов. Он передал тайфу свиток, затем указал назад, на городские ворота.

Тайфу покачнулся, неизвестно от какого потрясения. Он посмотрел на повозку, медленно приближающуюся от ворот к ним, скорбно покачал головой и обернулся на Фань Сяня, причем во взгляде мелькнуло некое удивление.

Он глубоко вздохнул и направился к Фань Сяню. Тот не знал, что случилось, поэтому торопливо спешил и обеспокоенно бросился навстречу. Взяв свиток из рук тайфу, он с волнением развернул его и увидел, что это сборник стихов. На листе мелким, вычурным старческим почерком было написано несколько слов:

«Сборник стихов "Кабинета полупраздности": комментарии старого Чжуана».

Тайфу в смешанных чувствах взглянул на молчавшего Фань Сяня и сказал:

— Господин преподносит это вам. — Эти слова были произнесены самым горестным тоном.

— Господин Чжуан... покинул этот мир.

* Строка из 4 части «Элегии на смерть жены» поэта династии Тан Юань Чжэня.

** Немного видоизменённый перевод Ахматовой строки из стиха Ли Бо «Поднося вино».

*** Из стиха Ли Бо «За прощальным вином на башне Се Тяо в Сюаньчэне напеваю стихи дяде Ли Юню», перевод — Торопцев С. А. Младший Се — Се Тяо (поэт, 464-499), чтобы отличать от старшего Се — Се Линъюня.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4194805>